

плане акустики, что очень важно для конкурса.

Что же касается момента профессионального... У вокалистов на первом плане стоит постановка голоса. Когда четкое слово, правильный вокал, когда хороший верх, неплохой низ – становишься соучастником, в душе с ними вместе поёшь.

Но что меня сильно печалит, это отсутствие у конкурсантов чуткости по отношению к русскому языку. Приятно, что русская песня включена в программу конкурса, но, кроме двух-трех спевших от души и до слез, остальные делают это формально, без знаков препинания, с желанием продемонстрировать голос, при этом – без всякого вживания в песню. А ведь главное в русских народных песнях – не изощренность исполнения, а ее смысл, содержание.

Свиридова – и в музыкальном плане, и в том, чему нас учили Глинка и Даргомыжский: в русской музыке композитор идёт от языка. Свиридов это очень ценил, и в большинстве его произведений – лучшая поэзия, которая у нас есть.

В целом же для конкурса характерна вокальная пестрота – в смысле обученности певцов, их профессионального уровня – от совсем необученных до почти уже мастеров. У победителей был самый уверенный вокал. Когда певец правильным звуком с правильной эмоцией излагает правильную мысль, он возвышается над остальными конкурсантами во много-много раз.

– Согласно озвученному Вами словесно-музыкальному подходу, какие авторы и произведения наиболее Вам по душе?

Я очень люблю Даргомыжского. Кроме кантилены и простоты изложения, у него много характерных произведений, где можно поиграть.

В разные годы есть разные тяготения. Иногда хочется экспериментов – не старинных романсов в духе «Гори, гори, моя звезда», хотя я их очень люблю, а чего-нибудь эдакого. Многое зависит от архитектуры зала, где поёшь, от этого меняется репертуар.

– Но кроме Даргомыжского...

– Если называть ещё имена: прежде всего Мусоргский, Глинка, тот же Верди, романсы бесконечно, «Элегия» Массне, которую все ждут, Брамс, Шуберт... Сейчас болею Григом, но не знаю, где воплотить – дело в том, что большинство его произведений на двух страничках, и чтобы заполнить 45 минут первого отделения, нужно будет исполнить вещей 12-15. Поэтому склоняюсь, чтобы было наполовину с Шубертом.

И ещё у меня такая тенденция – у Пушкина научился – начинать концерт с нравственных, воспитательных произведений, а заканчивать нужно весело, чтобы люди ушли с хорошим настроением.

– От себя назревший вопрос: как лучше всего ознакомиться с Вашим творчеством?

– При возможностях Интернета это очень просто: набрать «Владимир Маторин»... Что же до собрания моих песен, то полных дисков у меня только два. Духовная музыка, записанная в 1993 году по благословению Патриарха с капеллой музея «Московский Кремль». Там Чесноков, Косолапов, «Великое славословие» Струмского – шесть минут поёт хор, и только одна минута у солиста – но какая минута! – потрясающее попадание в тональность! А второй диск – это «Русские песни и романсы».

– С какими чувствами уезжаете из Курска?

– Ехал сюда с тревогой, поскольку давно в комиссии по прослушиванию не сидел, а уезжаю с восторгом, с любовью, с надеждой, что снова позовут... Я восхищен, что Курск держит марку своего земляка, потому что Свиридов – это явление планетарного, космического масштаба. И я беспрдельно рад, что приобщился к нему...

Беседовал
Олег КАЧМАРСКИЙ

Народный артист России Владимир Маторин на закрытии XIV Музыкального фестиваля имени Г.В. Свиридова с оркестром народных инструментов имени Виктора Гридина Курской государственной филармонии (дирижёр – Павел Горбунов)

Русская песня требует простоты изложения, и ни к чему в ней вокальные узоры, которые придумывают аранжировщики с тем, чтобы получать за это авторские отчисления. К простоте стремился и Георгий Васильевич.

Когда же вокал становится самоцелью и нет проникновения в замысел, в текст, в слово – тогда внутри рождается неудовольствие, неприятие. Многие пели вроде всё верно – правильные слова, правильные ноты, но нужно ведь отыскивать смысл, эмоцию, правду.

Вот у Мусоргского в «Детской»: «Тяпа, баю-бай...» – а они поют то ли Тепа, то ли Тёпа. А ведь Мусоргский – самый ближайший родственник

– Вообще в музыке я оперный артист, а в театре мало у кого есть возможность выбрать то, что хочешь. Главных ролей мало, артистов, их исполняющих, должно быть 4-5, потому что во времена Сталина, если он собрался прийти, спектакль не мог быть отменен – иначе все руководители шагали бы в кандалах. Сейчас немножко по-другому, но традиция осталась.

Кроме того, у нас очень любят даты. Вот, к примеру, в одно и то же время был юбилей Даргомыжского, Вагнера и Верди. И, не отрицая значения того и другого, отмечу, что Даргомыжский прошел как-то незаметно. А это ведь наш родоначальник...